

Е. Т. Гурвич

Руководитель Экономической экспертной группы

Вакуленко Е.С.

НИУ ВШЭ

Подходы к моделированию российского рынка труда

В рамках своего доклада, хочется обсудить некоторые общие основы моделирования российского рынка труда. Начав систематически заниматься этим вопросом, мы с большим сожалением обнаружили, что про базовые механизмы российского рынка труда известно очень мало. Работы по этой теме можно сосчитать буквально по пальцам одной руки. Это работы, сделанные, в основном, в Институте народнохозяйственного прогнозирования работы под руководством А.Г. Коровкина¹; есть также несколько разрозненных российских и иностранных работ, с большинством из которых мы при этом не согласны: либо нам не нравится методика, либо потом не подтверждаются их выводы. И нам кажется, что в этих условиях начинать нужно с фундамента.

Во-первых, необходимо сначала построить и проанализировать модели, описывающие базовые механизмы российского рынка труда. Потом провести измерение важнейших количественных показателей - например коэффициентов в классическом законе Оукена. А после этого уже переходить (на основе этого понимания базовых механизмов) к построению имитационных прогнозных моделей. У нас же эта пирамида как-то перевернулась в том смысле, что главное, что известно про российский рынок труда, про российскую модель рынка труда - это то, что подстройка к шокам происходит в основном за счёт заработной платы, а не численности занятых. Причем этот вывод фактически основан на одном измерении: в 95-м году Ричард Лэйорд² (который тогда был ректором Лондонской школы экономики) и Андреа Рихтер, посмотрев на данные по России и другим переходным экономикам, заметили, что мы отличаемся от них реакцией рынка труда. При этом, ответов на многие вопросы не было. Соответствует ли эта ситуация долгосрочным связям или краткосрочной подстройке? Является ли она свойством того уникального периода, который был в начале девяностых годов? Ведь этот период уникален во всех смыслах: переход от плановой экономики к рыночной, гиперинфляция и много других факторов.

Кроме того, есть много особенностей, которые нужно учитывать при оценке моделей: например, на рынке труда многих стран наблюдается асимметрия. И показано, что если имеется асимметрия реакции, а при построении модели ее не учитывают, то результат оценивания будет неправильным. Это, на наш взгляд, еще один аргумент в пользу того, что начинать нужно с базы.

¹ См., например: Ахундова О. В., Коровкин А. Г., Королев И. Б. (2005). Взаимосвязь динамики ВВП и безработицы: теоретический и практический аспект // Научные труды ИНИП РАН / Под ред. А. Г. Коровкина. С. 471–497.

² Layard, Richard and Richter, Andrea (1995) How much unemployment is needed for restructuring: the Russian experience, *The Economics of Transition*, 3 (1). 39-58. ISSN 0967-0750.

Здесь мы приведем несколько результатов, полученных в рамках реализации гранта Российского научного фонда (РНФ) по моделированию механизмов российского рынка труда³. Во-первых, нами была построена модель, увязывающая три основных показателя рынка труда: производительность труда, реальную заработную плату и безработицу. Мы начали с анализа направлений причинно-следственных связей, поскольку это позволяет сделать много качественных выводов о механизмах рынка труда. Мы отдельно анализировали два периода: 1995 – 2013 гг. и отдельно период между кризисами 1998 – 2009 гг. В период между кризисами производительность труда оказывает явное причинное влияние на зарплату, что соответствует основным классическим моделям. На всем же периоде такая связь выражена нечётко. Почти не проявляется зависимость производительности труда от зарплаты, что должно наблюдаться согласно известной гипотезе «эффективной зарплаты». У нас эта гипотеза не находит никаких подтверждений. Как известно, она предполагает, что более высокая зарплата стимулирует более высокую производительность. В России это не так, хорошо это или плохо. Есть лишь частичное свидетельство двусторонней причинной связи между безработицей и зарплатой. Один из выводов, который важен для моделирования, и который мы используем: самой экзогенной из трёх переменных является производительность труда. Он соответствует тому, о чем мы уже говорили. В частности, что в России нет механизма эффективной зарплаты, и она определяется вне рынка труда. Зарплата и безработица более или менее сопоставимы в этом отношении.

Мы построили с помощью модели VECM коинтеграционное соотношение между тремя рассматриваемыми показателями.

$$w_t = \alpha z_t + \beta u_t + \varepsilon_t$$

w_t – зарплата, z_t – производительность труда; u_t – уровень безработицы в момент t . Оценки коэффициентов имеют вид

$$\ln(w_t) = 7,74 + 0,59 \ln(z_t) - 0,14 \ln(u_t).$$

Коинтеграционное соотношение оказалось достаточно устойчивым. Его коэффициенты слабо зависят от того, как мы определяем переменные. Они даже не очень сильно отличаются для промежутка между кризисами и для всего периода. Модель строилась в логарифмах, так что эластичной зарплаты по производительности труда составила 0,59, эластичность зарплаты по безработице составила –0,14. Все оценки были значимы.

Немного забегаая вперед, можно сделать общий вывод из этой модели: российский рынок труда является достаточно сложившимся, зрелым, поскольку на нём уже присутствуют, оформились долгосрочные значимые устойчивые связи. И это хорошая новость с точки зрения моделирования, которая означает, что (несмотря на ограниченное число точек) можно получать вполне робастные выводы и результаты по данным о российском рынке труда.

Есть еще несколько результатов, которые мы получили. Один из них – это связь между зарплатой в государственном и негосударственном секторе⁴, которая, на наш взгляд, тоже важна с точки зрения моделирования. У нас получилось, что в долгосрочном периоде частный сектор влияет на зарплату в государственном. Т.е., как и в большинстве других стран, зарплата в государственном секторе подстраивается под зарплату в частном секторе. Но в краткосрочном периоде наоборот, лидер – государственный сектор. Эта особенность, по-видимому, является следствием

³ См.: Е. Вакуленко, Е. Гурвич, 2015, Взаимосвязь ВВП, безработицы и занятости: углубленный анализ закона Оукена для России, *Вопросы экономики*, №3.

⁴ Иванова, 2015

исполнения майских указов президента. Вывод же состоит в том, что повышение зарплаты в государственном секторе неизбежно оказывает влияние на зарплату в частном секторе и толкает ее вверх. А рост оплаты труда снижает нашу конкурентоспособность. Многие лидеры бизнеса говорили об этом как о проблеме, мы получили эконометрическое подтверждение. С другой стороны, в долгосрочном периоде все, скорее всего, вернется на круги своя. То есть это достаточно бессмысленная попытка изменить соотношение зарплаты между государственным и частным секторами.

Далее, мы оценивали эластичность реальной зарплаты по безработице по трем моделям. Оказалось, что по всем рассматриваемым моделям краткосрочная эластичность выше, чем в большинстве развитых стран и стран с формирующимися рынками, включая переходные экономики. Т.е. российский рынок труда имеет низкую ригидность реальной зарплаты. С одной стороны, это говорит о том, что частично справедлива гипотеза об особенностях российского рынка труда. После шоков равновесие восстанавливается в основном за счёт подстройки зарплаты. С другой стороны, это парадоксальная ситуация: получается, что особенность российского рынка труда состоит в том, что у нас нет ригидности. То есть фактически наш рынок нормальный, а другие являются отклонением от нормы. Можно ли тогда говорить о том, что это особенность российского рынка труда? Это философский вопрос, но в любом случае нужно сознавать, что «особенность как нарушение» и «особенность как отсутствие нарушений» - совершенно разные вещи

Очень много говорится о том, что в России высока доля теневого сектора, это не новость. Но мы попытались понять, что с ним происходит⁵. Проанализировав официальные данные Росстата о доле скрытой зарплаты, мы, во-первых, выявили значимый повышательный тренд. Т.е. как и говорят эксперты по рынку труда, у нас происходит сокращение того, что они называют «корпоративный сектор», и происходит уход в тень. С другой стороны, часто говорят о том, что это объясняется запредельно высокими ставками налогов на труд. Такая зависимость у нас не выявлена. На рассматриваемом периоде (на большей его части) наблюдалось снижение эффективных ставок социальных взносов и подоходного налога. В конце периода ставки немного скорректировались, но все равно оставались ниже, чем в начале. Во-вторых, какой-то значимой эконометрической связи между ними мы тоже не обнаружили. Т.е. причины роста доли теневой зарплаты являются более общими, - вероятно они отражают еще как минимум растущее избыточное регуляторное бремя.

Мы изучили занятость в бюджетном секторе, попытались моделировать механизмы, определяющие численность этой занятости. Занятость в бюджетном секторе проциклична⁶, что противоречит некоторым работам Гимпельсона и Трейсмана, в которых утверждается, что она является контрциклической, и объясняется тем, что создание рабочих мест в госсекторе используется для решения социальных задач, то есть при спаде увеличивается занятость в государственном секторе для того, чтобы снять социальную напряженность. Для многих других стран такой эффект был обнаружен, но мы для России не подтверждаем его.

Мы также обнаружили асимметричность реакций на нашем на рынке труда⁷, о важности которой говорилось выше. Важность моделей и их осмысленность определяются тем, могут ли они объяснить какие-то непонятные явления в экономике. Для нас такой странностью был рост доли оплаты труда в ВВП, соответственно

---

⁵ Е. Гурвич, А. Суслина, 2015,

⁶ Е. Гурвич, Хазанов

⁷ См.: Вакуленко, Гурвич (2015).

приводящий к падению доли валовой прибыли. А это, естественно, важная макроэкономическая тенденция, поскольку за ней стоит (можно об этом говорить в разных терминах) снижение конкурентоспособности. Этот тренд наблюдался на протяжении 10 лет в среднем по 1 п.п. в год. С одной стороны, как мы видели выше, эластичность заработной платы по производительности труда составляет примерно 0.59. Это означает, что по мере роста производительности в экономике должна снижаться доля оплаты труда. Парадокс в том, что мы единственная крупная экономика в мире, где этого не происходит. В других экономиках доля оплаты труда в ВВП либо стабильна, либо падает. Эта доля должна падать и исходя из полученной нами зависимости производительности и зарплаты. Но, с другой стороны, наша модель роста состояла в том, что расширялся спрос. При таком источнике роста, он (рост) сопровождается увеличением занятости, в отличие от роста, основанного на технологическом прогрессе. Рост занятости приводил к снижению безработицы, а мы говорили, что у нас очень острая реакция зарплаты на безработицу. Наши расчеты по модели показали, что в целом за рассматриваемый период снижение безработицы удвоило тот рост зарплаты, который наблюдался бы, если бы просто росла производительность труда. За счет этих двух факторов вместе получалось, что зарплата растет намного больше, чем производительность труда. Это означает ограниченность той модели роста, которая у нас была в предыдущие годы.

Дальше мы оценили закон Оукена⁸. Здесь тоже была выявлена долгосрочная устойчивая связь (коинтеграционные соотношения). Не буду останавливаться на количественных показателях, но важно, что у нас достаточно быстро происходит адаптация: безработица возвращается к долгосрочному равновесию через полгода, тогда как в развитых странах - через 4-8 лет⁹. Что тоже говорит, скорее, об эффективности российского рынка труда. Также была выявлена асимметрия: реакция безработицы на падение производства гораздо сильнее, чем на его рост. Коэффициент Оукена у нас ниже, чем в большинстве развитых стран и сопоставим с показателями для стран с формирующимися рынками.

Теперь, подводя итоги, что можно в целом сказать о российском рынке труда? Удивительно, но при анализе оказывается, что российский рынок труда является не только сложившимся и устойчивым, но и достаточно эффективным. Мы это объясняем тем, что отсутствует значимая рента, в отличие от большинства других рынков. Этот пример показывает, что если нет борьбы за ренту, то рынок может работать (даже в России) достаточно эффективно. Таким образом, главная борьба (и на других рынках тоже) - это устранение борьбы за ренту.

Какие остались вопросы и проблемы? Во-первых, существуют большие проблемы с данными; в частности, отсутствуют надёжные данные по мигрантам, систематических данных вообще почти нет: ни об их количестве, ни о составе, ни о зарплате. Нет достаточно надёжных квартальных данных по занятости, а годовые - это всего несколько точек. Отсутствуют длинные ряды по количеству отработанных часов, поэтому приходится использовать более грубые показатели. И этот список можно долго продолжать.

Во-вторых, отсутствует ясное понимание проблем предложения труда как из внутренних источников, так и за счёт мигрантов. Особенно за счёт мигрантов. Требуется моделирование спроса на труд. Мы начали работу по этим направлениям. Неочевидны механизм формирования численности занятых в бюджетном секторе, в

---

⁸ См.: Вакуленко, Гурвич (2015).

⁹ Harris R., Silverstone B. (2001). Testing for asymmetry in Okun's law: A cross-country comparison. *Economics Bulletin*, Vol. 5, No. 2, pp. 1-13

частности, неясно, как влияет занятость в бюджетном секторе на рынок труда. Данные по другим странам противоречивы и неоднозначны: в некоторых работах приходят к выводу, что занятость в бюджетном секторе вытесняет занятость в частном секторе, в некоторых странах даже наблюдается парадокс: из-за этого увеличивается безработица. Понятно, что это только некоторые из направлений. Если когда-то удастся построить спектр моделей, покрывающих все базовые механизмы российского рынка труда, то это позволит нам строить более надёжные, обоснованные прогнозные количественные модели.